

Ведь сегодняшний день имел огромное значение для его малышей. Как он мог допустить, чтобы из-за него эта презентация прошла не идеально? Даже такая мелочь, как помятая одежда, могла оставить плохое впечатление у журналистов и зрителей. Что, если их начнут критиковать за неопрятность? Это могло сильно повлиять на их имидж.

Чем больше Лу Сяонин думал об этом, тем сильнее его охватывала тревога. Глаза быстро покраснели, и на ресницах заблестели капельки влаги.

Хотя он и не был человеком из шоу-бизнеса, но, работая журналистом, знал некоторые его правила. Даже то, что для обычных людей казалось нормальным, для артистов могло стать серьёзной проблемой. Тёмная и жестокая сторона индустрии была ему знакома, и это только усиливало его беспокойство за будущее малышей.

Может быть... может быть, ему не стоило пускать их в этот мир. У них не было связей, поддержки, и они были ещё такими маленькими. Как они смогут выжить в такой среде? Всё это могло нанести непоправимый ущерб их растущим психикам.

Чем больше он размышлял, тем страшнее ему становилось. Лу Сяонин уже почти загнал себя в тупик, и слёзы, которые только недавно навернулись на глаза, теперь катились по щекам одна за другой.

— Папа, что случилось? Ты плачешь? — Лу Цзыму первым заметил перемену в поведении отца и испугался.

Лу Цзысюань быстро подошёл к Лу Сяонину и взял его за другую руку. Увидев, что папа плачет, он сердито взглянул на Линь Циюя, и этот взгляд был точно таким же, как у Сяо Ежэня, когда тот смотрел на него. Линь Циюй, который уже хотел подойти, замер на месте, не решаясь двигаться дальше.

Он не понимал, что происходит, но в голове мелькало ощущение, что он что-то упустил. Как бы он ни старался, он не мог понять, что именно.

Линь Циюй яростно потрянул головой. Сейчас было не время думать о всякой ерунде. Главное — почему этот большой ребёнок вдруг заплакал? Неужели из-за его слов?

Наверное, нет. Он не хотел его обидеть, и в его словах не было ничего обидного. Почему же он расплакался? Теперь на него смотрели трое, как на врага, и он чувствовал себя совершенно невиновным!

Увидев, что Лу Сяонин плачет, Сяо Ежэнь почувствовал, как сердце сжалось от боли. Первым его порывом было утешить его и обругать Линь Циюя.

Линь Циюй, на которого смотрели трое, чувствовал себя самым несправедливо обвинённым человеком на свете. Он действительно ничего не сделал!

— Папа, всё в порядке. Посмотри, одежда уже поправлена, и всё выглядит хорошо. Дядя Линь не хотел тебя обидеть. Не плачь, сегодня наша презентация, и мы должны быть счастливы, — Лу Цзыму утешал отца, стараясь его развеселить.

Хотя Лу Цзыму и Лу Цзысюань не знали, почему их папа заплакал, но, судя по их четырёхлетнему опыту общения с ним, это точно было не из-за тех слов. Возможно, он просто слишком много накрутил себя.

— Сяонин, не плачь. Сегодня день дебюта детей. Ты ведь не хочешь, чтобы они беспокоились о тебе, когда будут выступать перед журналистами и зрителями? — Сяо Ежань тоже присоединился к утешению, его голос был низким и гипнотизирующим, что заставило окружающих смотреть на него как на пришельца.

Он недолго знал Лу Сяонина, но уже успел понять его слабое место — это малыши.

И действительно, стоило ему услышать, что его слёзы могут повлиять на выступление детей, Лу Сяонин быстро перестал плакать. Он сдерживал рыдания, держа малышей за руки и повторяя:

— Папа... ик... не плачет. Папа... всё в порядке. Не волнуйтесь... ик... за папу. Вы... ик... постарайтесь! Папа будет наблюдать за вами.

С трудом сдерживая слёзы, Лу Сяонин наконец заметил, что многие вокруг смотрят на него, и ему стало стыдно. Теперь, когда он успокоился, он понял, что слишком сильно заикнулся на своих мыслях, и его щёки слегка покраснели.

— Сяонин, прости за то, что я сказал. Я не хотел тебя обидеть, — Линь Циюй, чувствуя на себе взгляды троих, извинился перед Лу Сяонином. Он думал, что, наверное, самый несчастный менеджер на свете, и заслуживает какой-нибудь награды за терпение.

От этих слов Лу Сяонину стало ещё неловче:

— Прости, я... я потерял самообладание. Это было не из-за ваших слов. Просто я вдруг осознал, что с сегодняшнего дня Сюаньсюань и Муму официально входят в шоу-бизнес. А вы знаете, насколько это сложный мир. Я переживаю, смогут ли они адаптироваться, и вот... не смог сдержать эмоций.

Теперь Линь Циюй наконец понял, что произошло, и облегчённо вздохнул. Главное, что Лу Сяонин заплакал не из-за его слов. Иначе он бы не знал, как справиться с Сяо Ежанем, который, как всегда, был готов предать друга ради красоты.

— Не волнуйся. Я их менеджер и всегда буду рядом, чтобы помочь. Раз ты доверил их мне, я возьму на себя ответственность за их будущее, — пообещал Линь Циюй, хотя его слова звучали немного странно, словно жених говорил отцу невесты на свадьбе.

Да что же это за мысли такие! Линь Циюй поспешно отогнал их. Да и с Сяо Ежанем в качестве их покровителя, только слепой осмелится обидеть малышей. Так что все переживания Лу Сяонина были напрасны.

Сяо Ежань не стал обращать внимание на странности Линь Циюя и тоже заверил Лу Сяонина:

— Не беспокойся. Раз они артисты нашей компании, мы сделаем всё возможное, чтобы гарантировать их будущее. Никто не причинит вреда Сюаньсюань и Муму в шоу-бизнесе.

Почему-то после слов Сяо Ежана Лу Сяонин почувствовал, как его тревога постепенно уходит, и на душе стало спокойно. На его лице наконец появилась искренняя улыбка.

— Я слишком много накрутил себя. Сюаньсюань, Муму, папа поддерживает вас. Постарайтесь!
— Лу Сяонин взял себя в руки и подбодрил малышей. Многие мечтают о такой возможности, а его дети её получили. Как он может позволить своим страхам всё испортить? Как отец, он должен поддерживать их во всём, даже если они ещё маленькие и многого не понимают. Он

будет стоять за ними, защищая от возможных невзгод.

— Мы постараемся, папа! — Лу Цзысюань и Лу Цзыму сказали в унисон, их серьёзные личики мгновенно покорили многих женщин вокруг.

Время начала презентации приближалось. Линь Циюй повёл малышей на последние приготовления, а Сяо Ежань, как первый выступающий, тоже должен был подготовиться. Перед уходом он всё ещё беспокоился о Лу Сяонине.

— Я в порядке, иди готовься, — Лу Сяонин улыбнулся Сяо Ежаню, чтобы тот не волновался.

Скажи, что он не тронут — было бы ложью. С детства только старший Лин дарил ему такое чувство, а теперь это был Сяо Ежань.

Сяо Ежань был ему совершенно чужим человеком, они знакомы всего несколько дней, но Сяо Ежань так помогал ему и детям. Лу Сяонин не говорил об этом, но он запомнил эту доброту.

Увидев улыбку Лу Сяонина, Сяо Ежань на мгновение замер, глядя на него, стоящего под светом прожекторов.

<http://bllate.org/book/16597/1517202>